

Низовские дружины в ливонской политике новгородских князей. 20-60 гг. XIII в.

Е.Л. Назарова

В статье рассматриваются частные вопросы большой проблемы, связанной с использованием войск, призываемых со стороны, для внутри- и внешнеполитических задач феодального государства. Эта проблема на Руси касается не только оси Новгород-Владимир Великий и хронологически восходит еще к эпохе становления древнерусской государственности. Но в историографии она практически не разработана.

Статья основывается на сведениях, содержащихся в Новгородской летописи, а также в двух ливонских хрониках XIII в.: "Хронике Ливонии" Генриха и Старшей Рифмованной хронике¹. Следует отметить, что в ливонских хрониках из всех городов русского Северо-Востока конкретно упоминается только Суздаль. "Суздальским" князем назван и Александр Невский (Гл. XXVII. 3. XXVIII. 6. РХ. 2207-2208).

Потребность Новгорода в дополнительных войсках объяснялась не столько тем, что в самой Новгородской земле нельзя было набрать необходимое количество воинов для походов в Ливонию, сколько постоянными конфликтами между новгородскими властями и Псковом. Одним из мотивов конфликтов была непоследовательная политика Новгорода по отношению к платившим им дань эстам, начиная с середины XI в. Новгородской правящей верхушке не удалось достичь взаимопонимания с местной феодализирующейся элитой, но не было создано и управленческой структуры, которая могла бы держать под контролем сбор эстонской дани и доставку ее в Новгород. Частые отказы эстов платить дань приводили к разорительным походам новгородского войска в Эстонию и ответным набегам на русские земли, причем под ударными оказывались главным образом псковские земли. Еще больше возросла опасность для Пскова после появления в Прибалтике крестоносцев. Поскольку Новгород не проявлял достаточной решительности в закреплении своих позиций в регионе, псковичи уже с 1210 г. начали вести самостоятельную политику с Ригой, стремясь, во-первых, не допустить захвата крестоносцами своих владений, а во-вторых, намереваясь с помощью ливонцев перевести под свой контроль восточные эстонские земли, платившие дань Новгороду².

Новое обострение отношений между Новгородом и Пskовом было связано с появлением в 1221 г. на новгородском столе князей из Владимирской династии. В Пскове же продолжал еще до 1226-1227 г. сидеть представитель Смоленской династии - князь Владимир Мстиславич. А после его смерти, в течение почти 20 лет, попытки получить псковское княжение предприни-

мал его сын - Ярослав, опиравшийся на антивоенную партию в Пскове и своих ливонских родственников, владевших ленами в соседнем с Псковской землей Дорпатском (Дерптском) епископстве; муже его сестры - Теодориха (брата епископа Германа) и зятя Теодориха - Энгельберта (ГЛ. XXIII. 11. XXVIII. 8; НЛ. С. 72-79; РХ. 215%). Не исключено, что в округе замка Оденпэ (Отепя, Медвежья голова) были лены и родственников первой жены князя Ярослава, чей сын убил в начале 40-х гг. вторую жену Ярослава Владимира (НЛ. С. 79). В самом Новгороде соперничество между различными группами боярства также не раз выливалось в открытое недовольство против князя с Низа. Позже, в 1266 г., псковичи в пику Новгороду приняли у себя литовского князя Довмонта (НЛ. С. 85). Таким образом, присутствие в Новгороде войска из Северо-Восточной Руси имело целью оказать новгородскому князю поддержку в отношениях с Псковом и обеспечить необходимое число воинов в моменты военных конфликтов с Ливонией, так как полностью надеяться на Псков, да и на часть новгородцев, не приходилось.

Кстати сказать, псковичи расценивали приход войск в Новгород с Низа как прямую угрозу для себя. Это ярко проявилось, например, в конфликте 1228 г., когда псковичи, услышав, что князь Ярослав Всеволодович ведет из Переславля большое войско, заключили оборонительный союз с ливонцами и не поверили, что Ярослав собирался идти не на Псков, а на Ригу. Современные историки обвиняют псковичей в том, что они выступили тогда против общерусских интересов³. Однако у тех были веские основания для недоверия, поскольку по тогдашней политической ситуации в Ливонии поход на Ригу из Новгорода был обречен на неудачу⁴. Не зря псковичей поддержали и новгородские горожане (НЛ. С. 65-66). Под 1266 г. Новгородская летопись прямо пишет о том, что князь Ярослав Ярославич пришел в Новгород с "полки низовьскими, хотя ити на Пльсковъ на Довмонта" (НЛ. С. 85). Но новгородцы и на этот раз встали на сторону псковичей и пригрозили отказать Ярославу в княжении.

Вместе с тем, в годы борьбы князя Ярослава Владимира за псковское наследство именно низовские войска помогли достичь военного перевеса над сторонниками ливонской партии и не допустить закрепления крестоносцев на русских землях. Хотя попытка князя Ярослава захватить в 1233 г. Изборск провалилась, а сам он был взят в плен, у него осталось много сторонников. К тому же ливонцы напали на Тесов и захватили местного воеводу. Показательно, что пленного Ярослава побоялись оставить в Новгороде и отправили в Переславль (НЛ. С. 72). В следующем году князь Ярослав Ярославич "пълки своя приведе в Новгородъ множъство" и вместе с отрядами из всех районов Новгородской земли отправился в Дорпатское епископство, сумел разбить рыцарское войско, разорить цистерцианский монастырь Фалькенау и заключить с епископом мир "на въсеи правде своей" (НЛ. С. 72-73)⁵.

Столь же необходимым оказалось присутствие войск с Низа после того, как в 1240 г. ливонцы захватили Псков, земли води и ижоры и подошли почти к самому Новгороду. Возникла ситуация, вполне достаточная для паники в городе. Логично предположить, что низовцы, которых привел в 1241 г. в Новгород князь Александр Ярославич, составили поначалу ударную силу объединенного русского войска (НЛ. С. 77-78).

Отметим также, что еще раньше - в 1224 г., небольшой отряд из Северо-Восточной Руси был среди защитников Тарту, оборонявших замок от крестоносцев вместе с местными эстами и латгальским князем Ветсеке с его дружиной (ГЛ. XXVIII. 6)⁶.

В изложенных примерах низовские войска сражались либо на русских землях, либо лишь на короткий срок заходили на территорию Дорпатского епископства. По-иному выглядит роль этих войск в длительных походах на Ливонию. В 1222 г. после прихода на новгородский стол князя Всеволода Юрьевича был заключен военный союз между Новгородом и литовцами для похода против орденского замка Венден (Кесь, Цесис). Для участия в этой акции из Владимира пришло большое войско во главе с братом великого князя Юрия Всеволодовича Святославом. С русской стороны выступили также отряды новгородцев и псковичей (НЛ. С. 60-61). Мероприятие окончилось, однако, полным поражением союзников. Хотя 12-тысячное войско русских оказалось у Вендена раньше литовцев, оно имело численное преимущество над рыцарями. Но попытки захватить или хотя бы осадить замок предпринято не было. Вместо этого войско в течение двух недель грабило не только окрестные латгальские деревни, но и соседнюю область ливов Торейду. В результате к приходу литовцев русское войско оказалось деморализованным. К тому же на помощь братьям-рыцарям подошло подкрепление из других орденских замков и из Риги. Появившиеся наконец литовцы присоединились к грабежам местного населения. Поэтому рыцарям не стоило большого труда разбить по частям обремененные награбленным отряды союзников. Остальные бежали на Русь (ГЛ. XXV. 3). Источники не говорят о том, чье слово оказалось решающим при выборе тактики русского войска под Венденом. К тому же грабежи гражданского населения - неотъемлемая часть любой войны, тем более феодальной. Тем не менее подобный оборот события был явно неприемлем для псковичей, по опыту знающих, что за этим последует ответный разорительный поход в псковские пределы (что, кстати, и произошло - ГЛ. XXV. 5. 6). Новгородцам в той напряженной ситуации также ни к чему было настраивать против себя латгалов и ливов. Менее всего тактические моменты взаимоотношения с коренными народами Ливонии затрагивали низовское войско во главе с князем Святославом, который легко мог склонить на свою сторону малолетнего Всеволода Юрьевича⁷. Подтверждением нашему предположению может служить реакция новгородцев на итог похода: Всеволод вынужден был бежать из города (НЛ. С. 61).

- 30424 -

Судя по более поздним обвинениям, предъявляемым псковичами новгородцам, действия русского войска не были последовательны и во время похода к Колывани (Линданисе, Таллин) в 1223 г., для которого большое войско привел из Владимира ("от брата") занявший новгородский стол князь Ярослав Всеволодович (НЛ. С. 66; ГЛ. XXVII. 3). Хотя союзниками новгородцев выступили тогда почти все эстонские земли, после 4-недельной осады датчан в крепости, русское войско отступило и вернулось на Русь, разграбив по дороге эстонские деревни: "злата много възяша, а полона приведе бещисла" (НЛ. С. 61).

Показательно, что ливонский хронист называет Ярослава Всеволодовича не "новгородским", а "суздальским" князем (ГЛ. XXVII. 3). Скорее всего, именно так он воспринимался самими новгородцами и псковичами - и это могло быть связано в том числе и с действиями пришедших с князем войск, не соответствовавшими конкретным интересам Северо-Западной Руси в данной военной кампании. За уходом русских войск последовало наступление рыцарей и вспомогательных отрядов из местного населения на еще не покоренные районы континентальной Эстонии, которое окончилось в 1224 г. закреплением ливонцев на границах Северо-Западной Руси и официальным отказом Новгорода и Пскова от политических притязаний на бывшие прибалтийские владения (ГЛ. XXVIII. 9).

Последний эпизод относится к походу в Северо-Восточную Эстонию в 1268 г. Мы не имеем возможности рассмотреть здесь все детали событий 1268-1270 гг., закончившихся подписанием ливонцами мирного договора с Новгородом под угрозой наступления на Ливонию ордынцев (НЛ. С. 88).

Отметим только, что захват русскими Раковора (Раквера, Везенберг), если бы это удалось, ставил под удар Нарву и давал шанс новгородцам усилить свои позиции в датских владениях Северо-Востока Эстонии. Соответственно намерениям было собрано и войско, пришедшее в Новгород, подавляющую часть которого составляли полки из Переяславля и Владимира, руководимые князьями Дмитрием Александровичем и Святославом Ярославичем. Согласно Рифмованной хронике, войско насчитывало до 30 тыс. человек (РХ. 7580). Но вместо быстрого марша к Раковору русское войско двигалось к замку почти 4 недели, грабя местное население, апофеозом чего было затопление и истребление прятавшихся в пещерах эстов. Причем, как пишет летописец, весь их "товар" новгородцы отдали Дмитрию, возглавлявшему низовskое войско. Потере бдительности и боеспособности русского войска способствовало и обещание рижского архиепископа, дропатского епископа и вильяндских рыцарей не мешать походу новгородцев в датские владения. Тем не менее, недалеко от замка у р. Кеголи их встретило объединенное ливонское войско, которое успело собраться за упущенное русскими время. Результат битвы каждая из сторон расценивала в свою пользу. Хотя летописец, говоря об очень больших потерях отрядов из Новгородской земли, противопоставлял их стойкость поведению князя Дмит-

рия с его войском, которых обвинял в бегстве с поля боя. В общих чертах это подтверждает и автор Ливонской Рифмованной хроники. К тому же, как сообщает летописец, наличие обозов помешало новгородцам нанести последний удар по ливонскому войску и позволило рыцарям ночью уйти (НЛ. С. 85-87; РХ. 7611-7683).

Итак, в тех случаях, когда у приходивших в Новгород низовских войск не было четко поставленной задачи спасения или защиты русских земель, они действовали как наемники, для которых интересы получения добычи превалировали над стратегическими планами похода. Кроме того, не учитывались и возможные последствия их действий для жителей пограничных русских земель. Весьма показателен для поведения такого войска рассказ летописца, датированный 1270 г. Пришедшие в Новгород низовские отряды, которые предполагалось отправить в очередной поход на Ливонию, оказались тогда невостребованными. Поэтому, чтобы компенсировать потерю ожидаемой, но не полученной добычи, низовцы вознамерились напасть на земли короли, от чего их с трудом удалось отговорить новгородцам, а князь отправил своих воинов домой (НЛ. С. 88). *

- ¹ Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950 (далее ссылки даются в тексте: НЛ. с указанием страниц); Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. Перевод и комментарии С.А. Аннинского. М.-Л., 1938 (далее в тексте: ГЛ, с указанием номера книги и главы); Livländische Reimchronik mit Anmerkungen, Namenverzeichnis und Glossar, herausdgegeben von Leo Meyer. Paderborn, 1876 (далее в тексте: РХ, с указанием номера строфы).
- ² Назарова Е.А. Место Ливонии в отношениях между Новгородом и Псковом. I четверть XIII в. // Историческая археология. Сб. статей в честь 80-летия Д.А. Авдусина. М., 1998.
- ³ Казакова Н., Шаскольский И. Русь и Прибалтика (IX-XVII вв.) Л., 1945. С. 47; Пашуто В.Т. Героическая борьба русского народа за независимость. XIII век. М., 1956. С. 138-139; История Эстонской ССР. С древнейших времен до 1861 г. Таллин, 1961. С. 175 и др.
- ⁴ Назарова Е.А. К истории псково-ливонского договора 1228 г. // Восточная Европа в древности и средневековье. Международная договорная практика Древней Руси. IX чтения памяти В.Т. Пашуто. М., 1997. С. 47-48.
- ⁵ Venninghoven F. Der Orden der Schertbrüder. Köln, 1965. S. 288.
- ⁶ Назарова Е.А. Русско-латгальские контакты в XII-XIII вв. в свете генеалогии князей Ерсики и Кокнесе // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992-1993. М., 1995. С. 187-188, 190.
- ⁷ Князю Всеволоду было тогда не более 10 лет. См.: Войтович А.В. Генеалогія династії Рюриковичів. Київ, 1990. С. 148, 154.